

Кондратий Биркин

Мария Стюарт, королева шотландская

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Кондратий Биркин

Мария Стюарт, королева шотландская

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Мария Стюарт, королева шотландская / К. Биркин — «Public Domain»,
1870 — (Временщики и фаворитки)

ISBN 978-5-457-11421-0

«С именем каждого из двух фаворитов и двух мужей Марии Стюарт сопряжена страшная кровавая драма, в которой шотландская королева играла роль таинственную, двусмысленную и доныне еще не разгаданную. Потомство до сих пор не произнесло над памятью Марии Стюарт решительного своего приговора, потому что число обвиняющих и оправдывающих одинаково, а страдальческая смерть подсудимой, обиды, оскорбления, клевета и девятнадцать лет заточения — слишком уважительные, смягчающие вину обстоятельства, чтобы не принять их во внимание...»

ISBN 978-5-457-11421-0

© Биркин К., 1870
© Public Domain, 1870

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Кондратий Петрович Биркин

Мария Стюарт, королева шотландская

Петр Шателар. – Генрих Дэрнлей. – Давид Риццио. – Граф Босуэлл (1560–1587)

С именем каждого из двух фаворитов и двух мужей Марии Стюарт сопряжена страшная кровавая драма, в которой шотландская королева играла роль таинственную, двусмысленную и доныне еще не разгаданную. Потомство до сих пор не произнесло над памятью Марии Стюарт решительного своего приговора, потому что число обвиняющих и оправдывающих одинаково, а страдальческая смерть подсудимой, обиды, оскорбления, клевета и девятнадцать лет заточения – слишком уважительные, смягчающие вину обстоятельства, чтобы не принять их во внимание. Марию Стюарт можно назвать перед судом истории «оставленной в подозрении», покуда случайная находка каких-либо, еще неизвестных, документов не озарит светом истины личность последней шотландской королевы, если не омрачит ее памяти окончательно. До тех пор, повторяем, Мария Стюарт остается *в подозрении*, на поруках у поэтов и романистов.

Детство, отрочество Марии, пребывание ее во Франции и замужество с дофином Франциском II нам уже известны (см. выше). Овдовев на девятнадцатом году жизни, она, притесняемая Екатериной Медичи, удалилась от двора и переселилась в Реймс к тамошнему архиепископу, дяде своему Карлу Гизу, кардиналу Лотарингскому, где провела восемь месяцев, с декабря 1560 по август 1561 года. О том, как себя вела молодая вдова в этот кратковременный период, существует два противоречивых предания. Одно говорит, что она оставалась верной памяти покойного мужа, оплакивала его неутешно, выражая свою скорбь стихотворениями, дошедшими до нас и обличающими в Марии истинное поэтическое дарование; по другим преданиям, вдовствующая королева очень скоро утешилась, и образ жизни ее в Реймсе был самый предосудительный, чтобы не сказать, скандальный... Оба предания, как две крайности, не заслуживают веры, и потому всего справедливее придерживаться мнения среднего: безутешная скорбь девятнадцатилетней красавицы по умершем муже, с которым она не прожила и двух лет, явление ненормальное, но если бы оно так было, то едва ли Мария была бы в состоянии писать в это время стихи, слагая свои стенания в рифмы и, так сказать, нанизывая в узоры свои слезы. Вероятнее всего, что Мария скоро утешилась; но из этого опять еще не следует, чтобы она впала в распутство. Действительно ли сын коннетабля Монморанси, красавец Данвилль, или сумасброд Шателар пользовались тогда ее благосклонностью?... И на этот щекотливый вопрос трудно ответить утвердительно, хотя и смешно было бы требовать от молодой, страстной женщины верности мужу-мертвецу, и при жизни-то не заслуживавшему особенной привязанности. Красота Данвилля, блестящий ум, любезность, вероятно, вытеснили из сердца королевы призрак жалкого идиота Франциска II, но отношения молодых людей ограничивались со стороны Марии только кокетством, столь свойственным каждой, даже и не хорошенькой, женщине, а Мария Стюарт была красавица.

Вскоре по прибытии последней в Реймс Елизавета, королева английская, требовала от Марии через своего посланника Николая Трогмортон (Throgmorton) ратификации Эдинбургского договора 1559 года, в силу которого королева шотландская обязывалась отказаться от всяких притязаний на короны Англии и Ирландии, то есть, другими словами, от всякой мысли наследовать престол английский в случае кончины одинокой *девственницы* Елизаветы. На это требование последней Мария отвечала отказом, ссылаясь на то, что договор был заключен без ее согласия; к этому она присовокупила, что после кончины Франциска II она выключила из своего герба герб Англии, тогда как Елизавета продолжает без всякого на то права титуловаться королевой Англии, Ирландии и *Франции*. К этому заметим, что после кончины Марии

Лотарингской, матери Марии Стюарт, наместником Шотландии по распоряжению Елизаветы был назначен Яков, граф Меррей (Murray), побочный сын покойного короля Якова V, ненавистник Марии и клевет королевы английской.

Посоветовавшись с Гизами, по их совету вдова Франциска II решилась ехать в свое королевство, для чего и требовала от Елизаветы беспрепятственного пропуска через ее владения, на что королева английская отвечала отказом к тайной радости своей державной соперницы. Полюбив всеми силами своей юной, нежной души Францию, свою вторую родину, Мария готова была пожертвовать не только своей шотландской короной, но тремя коронами Соединенного Великобританского королевства, лишь бы не покидать возлюбленную страну, мирно жить и умереть в ней в кругу друзей, родных. Не того мнения была неумолимая политика, повелевавшая Марии неотлагательно ехать в свое королевство, раздражая ее честолюбие, обольщая в будущем обаятельными миражами власти, величия, даже, может быть, благоденствия подданных. Кардинал Лотарингский, как будто предчувствуя страшную участь, готовившуюся его племяннице, напоминал ей об опасностях предполагаемого пути: королева английская могла захватить Марию в плен на водах Ла-Манша или на суше во время ее высадки на берега Шотландии. Самая эта опасность, придававшая романтический колорит путешествию королевы шотландской, казалась ей особенно привлекательной. «Едучи во Францию, – отвечала она своему дяде, – я увернулась от брата (Эдуарда VI); теперь, возвращаясь в Шотландию, сумею вернуться и от его сестры!»

Начались приготовления к отъезду. В числе спутников Марии, кроме четырех ее тезок, Сары Флеминг-Левистон и немногих верных слугителей, находились Данвилль, пользовавшийся более или менее заслуженной репутацией фаворита королевы, и Шателар, ее отчаянный, сумасбродный обожатель. Тот же кардинал Лотарингский советовал Марии не брать с собой всех драгоценностей, предлагая ей переслать их в Шотландию после, вслед за ее благополучным туда прибытием.

– Дядюшка, – возразила ему на это Мария, – стоит ли думать о безопасности моих драгоценностей, когда я жизнь мою ставлю на карту?

15 августа 1561 года, несмотря на страшное ненастье, Мария со всеми своими спутниками села на корабль в Кале. В ту самую минуту, когда она всходила на палубу, в нескольких верстах от берега тонул какой-то корабль, пушечными выстрелами тщетно вызывавший о помощи и вскоре скрывшийся в морских пучинах, над которыми клубились и пенились громадные ревущие валы.

– Дурное предзнаменование! – невольно прошептала Мария окружающим.

Загрели цепи поднимаемых якорей, пронзительно закричали блоки парусов, раздались свистки матросов, отрывистые возгласы команды, и звукам этим вторили стоны и завывание бури. Стоя лицом к берегу Франции, Мария до тех пор не спускала с него заплаканных глаз, покуда его не скрыла от них пелена проливного дождя. К вечеру непогода унялась, но ветер переменился, и корабль был принужден лавировать. Напоминая спутникам о времени идти ко сну, Мария приказала постлать себе постель на палубе под импровизированным шатром из запасных парусов; при том настроении духа, в котором она находилась, каюта казалась ей гробом. Во всю ночь королева шотландская не сомкнула и не осушила глаз, при первых же лучах солнца, будто кровью обрызгавших клочья туч, быстро мчавшихся по лазури, Мария вышла из-под своего намета и задумчиво вперила глаза на узкую полосу земли, резко отделявшуюся от седых валов на горизонте... То были берега Франции, от которых корабль еще не отделился настолько, чтобы вовсе потерять их из виду... Над кораблем, сверкая крыльями, парили чайки, и их унылые крики казались Марии воплями друзей, покинутых ею, но вспоминающих, может быть, даже плачущих о ней. Тогда вдохновение на несколько минут посетило скорбящую путницу и холодной дрожащей рукой она набросала на клочке бумаги следующие строки:

Adieu plaisant pays de France
O, ma patrie La plus chérie
Qui a nourri ma jeune enfance...
Adieu, France, adieu mes beaux jours!
La nef, qui disjoint nos amours,
N'a eu de moi que la moitié...
Une part te reste; eLLe est tienne
Je La fie a ton amitié
Pour que de L'autre eLLe te souvienne!¹

Плавание продолжалось пять дней, затрудненное бурей и английскими крейсерами, высланными королевой для поимки Марии Стюарт. Благодаря туману, благополучно миновав последних, корабль едва не разбился о подводные скалы при входе в Фороский залив и, наконец, бросил якорь в Лите (Leith). После двенадцатилетнего отсутствия Марии Стюарт родовое ее наследие, королевство шотландское, показалось ей чужбиной, а явное негодование подданных и их враждебные демонстрации доказали ей, что она навсегда утратила права на народную любовь. Главной причиной неприязненных отношений народа к своей королеве было различие их вероисповеданий: протестанты не желали признать над собой власть католички или, как тогда называли Марию Стюарт, *идолопоклонницы*. За несколько страниц перед этим мы рассказывали читателю о неистовстве фанатиков католической Франции и о кровавых гонениях на протестантов; в протестантской Шотландии при прибытии в нее Марии Стюарт происходило то же самое, с той разницей, что здесь протестанты гнали, преследовали и истязали католиков. Проповедник Нокс (Кнох) громил с высоты своей кафедры римскую церковь и вместо приветственной речи встретил Марию Стюарт изданием в свет жестокого памфлета «Первый звук трубный против чудовищного управления царств женщинами», в котором называл королеву шотландскую *новой Иезавелью*. Ровно через неделю после приезда в свое королевство Мария Стюарт пожелала отслужить в дворцовой часовне благодарственное молебствие по чину римско-католической церкви, яростный народ прервал богослужение и едва не умертвил королевского духовника... При торжественном въезде Марии в Эдинбург меньшинство безмолвствовало, большинство же народной массы вопило: «Долой католичку!.. Долой идолопоклонницу!..» Вместо цветочных гирлянд, ковров и флагов стены домов на тех улицах, по которым двигалось шествие, были украшены картинами религиозного содержания, изображавшими в лицах все библейские сказания о Божьей каре, постигавшей нечестивых царей-язычников от Навуходоносора до Антиоха сирийского.

— Это начало, — говорила Мария со слезами на глазах. — Какого же конца ожидать мне?

При всем том у нее не хватало духу мстить обидчикам, и единственным своим орудием королева избрала кротость. Желая доказать суровому Ноксу, что она нимало не оскорблена его ядовитым памфлетом, Мария пригласила фанатика во дворец к обеденному столу; Нокс отказался. «Приходите лучше в церковь послушать мои проповеди, если желаете обратиться на путь истинный!» — отвечал этот юродствовавший оригинал, копиями которого можно назвать пуритан, через восемьдесят восемь лет возведших на эшафот внука Марии Стюарт, Карла I. Впрочем, Нокс обещал повиноваться королеве, по собственному его признанию,

¹ Прости, прелестная страна, О Франция родная, Отчизна дорогая, Где отцвела моя весна... Прости!.. Ото всего, что было сердцу мило, От искренней любви, от дорогих друзей Безжалостно меня отторгнуло ветрило, И мне уж не видать счастливых, ясных дней! Но я не всю тебя, отчизна, покидаю; Корабль меня с тобой вполне не разлучит: Часть сердца моего он в дальний край умчит — Другую я тебе на память оставляю! Прилагая при этом прелестном, грациозном подлиннике наш слабый, бесцветный перевод, просим читателя простить великодушно, так как признание в вине по самому строгому закону смягчает наказание.

«точно так же, как святой апостол Павел повиновался Нерону». Уподобляя королеву этому чудовищу, Нокс воображал сам себя чуть ли не действительно святым апостолом. Передавая в своих записках эти выходки и хвалясь ими, как подвигами, он вменяет себе в особенную заслугу то, что его беседы неоднократно доводили королеву до слез. Этими слезами Мария Стюарт искупала злодеяния своих единоверцев на европейском континенте и ту невинную кровь, которую они проливали в угоду римскому двору... И единственный ли это пример в истории страданий правого за виновных?

Независимо от подстрекательства народной злобы и фанатизма проповедниками, подобными Ноксу, правитель королевства граф Меррей и государственный секретарь Мэйтленд, рабы

Елизаветы, распускали в народе слухи, самые оскорбительные для чести Марии Стюарт, обвиняя ее в преступной связи с Дан-виллем, сопровождавшим ее в Шотландию. Эти слухи принудили наконец Данвилля возвратиться во Францию; примеру его, скрепя сердце, последовал Шателар, из любви к королеве шотландской покинувший родину. Любовь эта, восплавшая в сердце бедняка при первом же взгляде на Марию Стюарт в день ее бракосочетания с Франциском II, покуда была самая платоническая и выражалась единственно нежными стихотворениями, сладкими до приторности, плодами вдохновения влюбленного поэта. Судя по отзывам современников, Петр де Боскозель Шателар (внук славного Баярда) был сам похож на рыцаря... *Печального Образа*. Восторженный до сумасбродства, влюбчивый, отважный и вместе с тем рыцарски-благородный, он по примеру паладинов избрал себе девизом слова: «Бог, родина и дама моего сердца». Мария Стюарт, для которой любовь Шателара не была тайной, из жалости удостоивала этого обожателя своей ласки, терпеливо выслушивала его стихотворения, немножко кокетничала с ним, тайком смеясь над безумцем со своими фрейлинами... Но ничем не подавала ему повода тешиться несбыточными надеждами.

Отъезд французских друзей, выжитых клеветниками Марии Стюарт из Шотландии, был тем приятнее Елизавете, что теперь ненавистная ей королева шотландская осталась вполне беззащитной, во власти Меррея и Мэйтленда. Не пренебрегая никакими средствами для унижения и пагубы Марии, коварная Елизавета внешне поддерживала с ней самые дружеские, приязненные отношения, называя Марию в своих письмах к ней «доброй, возлюбленной сестрицей», и, искусная в политике, тем успешнее вела свою жертву к несомненной гибели. Детски-простодушная Мария доверялась Елизавете, совещалась с ней о государственных делах и следовала советам злодейки – советам предательским и опасным. Ненависть Елизаветы к Марии Стюарт, независимо от какой-то естественной антипатии, была следствием зависти и ревности, доходивших до смешного. Узнав, что королева шотландская пишет стихи, Елизавета тоже ударилась в поэзию и кропала вирши, восхищаться которыми могли разве только льстецы из ее дворцовой лакейской. Мария Стюарт прекрасно играла на лютне и клавесине, Елизавета, в свою очередь, считала себя отличной музыкантшей. Ничем иным нельзя было ее так порадовать, как браня Марию или критически относясь к ее безукоризненной красоте. Когда Мельвиль, посланник королевы шотландской, представлялся Елизавете, она спросила его с притворной небрежностью и без всякого такта: «Скажите мне, кто лучше из обеих нас: я или ваша государыня?» – «Моя государыня, – отвечал Мельвиль, – первая красавица в Шотландии, точно так же, как ваше величество – в Англии». Видимо довольная ответом, Елизавета заметила, что Мария Стюарт ниже ее ростом. «Никак нет, – возразил Мельвиль, – она несколько повыше вас...» – «О, в таком случае она уже слишком высока!» – засмеялась королева, утешаясь этим мнимым преимуществом над своей державной соперницей. Можно сказать без малейшего преувеличения, что, если бы природа одарила Елизавету красотой Марии Стюарт, а последнюю некрасивой наружностью Елизаветы, она, конечно, не погибла бы на эшафоте. Всякая ненависть может быть примирима, кроме

ненависти женщины безобразной к красавице или глупца к умному человеку. Не столько соображения политические, сколько боязнь стать лицом к лицу с Марией Стюарт побуждала Елизавету всячески уклоняться от свидания с ней.

По возвращении во Францию бедный Шателар почувствовал тоску невыразимую по своей ненаглядной королеве и окончательно потерял голову. Нимало не задумываясь над неприличием вторичного своего появления в Шотландии, Шателар; запасшись рекомендательными письмами от коннетабля Монморанси, пустился в путь и через неделю преклонил колено пред Марией в приемной зале замка Голируд. Для королевы каждый приезжий из Франции был дорогим гостем, а потому и неудивительно, что она приняла Шателара с самым дружеским радушием. Этот прием показался влюбленному несомненным знаком взаимности, и Шателар из прежнего скромного воздыхателя вдруг сделался дерзким и предприимчивым. Отложив на время поэзию с ее сонетами, эклогами и мадригалами, поэт предался более прозаическим замыслам и на первый случай отважился поздним вечером забраться в спальню королевы. Более огорченная, нежели обиженная этой дерзостью, Мария Стюарт приняла во внимание молодость сумасброда и простила ему это увлечение, которое, несмотря на неудачу, могло набросить весьма неблагоприятную тень на ее репутацию.

Шателар, глубоко тронутый великодушием королевы, дал ей честное слово сдерживать свою любовь в пределах благоразумия и, действительно, несколько времени был скромен, почтителен и преодолевал свою страсть, насколько у него хватало силы воли; силы же этой хватило весьма ненадолго. Шателар не искал случая увидеться с королевой наедине — случай этот, по роковому предопределению, представился сам. Зимой 1563 года он вместе с придворными Марии Стюарт сопровождал ее в северные области королевства. На ночлеге в местечке Бернт-Айленд, пользуясь благоприятной обстановкой, Шателар опять спрятался за альковом спальни королевы, за несколько минут до ее прихода... На этот раз безумцу, невидимо присутствовавшему при ночном туалете своего кумира, удалось видеть Марию Стюарт во всем блеске ее обаятельной красоты, чуть не в том виде, в котором Венера появилась из пены морской... Мог ли в эту минуту двадцатипятилетний, воспаленный страстью Шателар помнить данное королеве честное слово, мог ли сознавать, на что он решается? Позабыв весь мир, видя перед собой только прелестнейшую, обожаемую женщину, он бросился к ее ложу и разбудил спавшую бешеными лобзаниями. На отчаянный крик Марии Стюарт к ней прибежали прислужницы и ее демон Меррей, для которого настоящий случай был истинным торжеством, так как подавал едва ли не основательный повод к бесславию Марии... Она, сгорая от стыда, не вымолвила ни слова в защиту Шателара, да и что могла бы сказать королева в его защиту? Она могла простить преступнику его вторичное покушение как женщина, но как королева была обязана отдать его в руки правосудия. Шателара увели под стражей; Меррей назначил особую следственную комиссию для обсуждения этого темного и скандального дела. Опомнившийся Шателар на всех допросах остался верен своей роли рыцаря-паладина, готового сложить голову за даму своего сердца; он не только не оговорил королеву, но, чтобы выгородить ее, наговорил на себя много лишнего. Основываясь на его показаниях, судьи готовы были признать его не за влюбленного, увлекшегося страстью, но за злодея, умышлявшего на жизнь королевы... Обвиненный и уличенный в оскорблении величества, Петр Шателар был приговорен к смертной казни. Внук рыцаря *без страха и упрека* доказал несомненную законность своего происхождения, до последней минуты сохраняя невозмутимое присутствие духа. Перед казнью он декламировал «Оду к смерти», сочинение Ронсара, а восходя на эшафот, воскликнул, обращаясь к Марии:

— Прости, прекраснейшая и жесточайшая из всех государынь в мире!

Казнь Шателара дала новую работу языкам клеветников и не менее ядовитым и продажным перьям памфлетистов. Тем и другим не стоило большого труда уверить подданных Марии Стюарт, будто Шателар, ее любовник, пал жертвой ее предательства, и из уст

в уста ходила молва о том, как королева, сама назначив свидание бедному молодому человеку, призвала своих служителей и безжалостно выдала им Шателара как преступника, а потом возвела его на эшафот. Королева-девственница Елизавета, в то время бывшая в весьма интимных отношениях с Робертом Дадлеем (Dudley), графом Лейчестером, была жестоко возмущена мнимым коварством и, как она выражалась, распутством королевы шотландской. Возмущаясь в кругу приближенных и вместе со своим фаворитом злословя на Марию, английская королева писала ей в ответ на уведомление о покушении Шателара самое милое, дружественное письмо с выражением душевного сочувствия этой неприятности и с присоветованием совета подумать о замужестве. Совет этот был вполне основателен, так как и сама Мария Стюарт на двадцать первом году от рождения не располагала обречь себя на вдовство и одиночество. Простирая свою любезность и внимательность к Марии до крайнего предела, Елизавета взяла на себя даже роль свахи, предложив в мужья королеве шотландской того же графа Лейчестера, своего фаворита. В то же время, желая смягчить этот жестокий удар самолюбию молодой вдовы-красавицы, Елизавета предложила Марии Стюарт признать ее своей наследницей. Усложненный этот вопрос королева шотландская передала на обсуждение своего дяди, кардинала Лотарингского, и по его совету отвергла предложение Елизаветы... Вместо пути примирения обеих королев, хотя грязного и позорного, теперь между ними образовалась непроходимая бездна. Елизавета, недавняя сваха, в отплату Марии за ее отказ стала всячески интриговать, и весьма успешно, для расстройств предполагаемого брака и отдаления искателей руки шотландской королевы. Ей удалось отклонить от сватовства за Марию эрцгерцога австрийского Карла, сына императора Фердинанда. Испанский король Филипп II имел намерение женить на Марии своего сына, инфанта дон Карлоса, но передумал из-за происков Елизаветы. От предложения ей в супруги Антуана Бурбона, короля наваррского, королева шотландская отказалась сама по той причине, что не имела желания идти замуж за человека, разведенного с первой женой.²

² Король наваррский Антуан Бурбон, муж Жанны д'Альбре и отец Генриха IV.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.